В статье раскрывается содержание презумпции добросовестности предпринимателя как основополагающего конституционного принципа законотворческой деятельности государства. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в большинстве случаев этот принцип игнорируется законодателем. По указанной причине делается вывод, что правовое регулирование предпринимательских отношений должно основываться на презумпции добросовестности предпринимателя, который обязывает государство видеть в предпринимателе партнера на пути к экономическому развитию, а не подозрительного лица, чья деятельность нуждается в постоянном обязательном контроле.

Ключевые слова: предприниматель; экономическое развитие; презумпции добросовестности предпринимателя.

Константин Борисович Кораев, д-р юрид. наук, доцент, профессор,
кафедра гражданского права,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия;
1-kosta@mail.ru

ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Законотворческая деятельность любого государства является предпосылкой, которая создает необходимые условия для прогрессивного развития различных социальных институтов, включая сферу предпринимательской деятельности, или же, напротив, является сдерживающим фактором такого развития. Данная деятельность выступает в качестве фактора развития тогда, когда она осуществляется не хаотично, а на основе общепризнанных конституционных принципов законотворческой деятельности.

Как представляется, для предпринимательской сферы среди названных принципов является первостепенным принцип презумпции добросовестности предпринимателя. Он подразумевает, что при регулировании отношений, возникающих между предпринимателями или с их участием, предполагается, что поведение предпринимателей соответствует интересам общественного развития и не направлено на причинение им вреда. Такой подход в законотворческой деятельности обязывает государство рассматривать предпринимателя в качестве партнера в деле общественного развития.

Данный принцип нашел свое отражение в Постановлении КС РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П (Российская газета, № 13. 19.01.2000) по делу о тарифах страховых взносов, в котором указано: «Принцип законного установления обязательных платежей не ограничивается требованиями к правовой форме акта, устанавливающего тот или иной обязательный

платеж, и к процедуре его принятия. Содержание этого акта также должно отвечать определенным требованиям, поэтому не может считаться законно установленным обязательный платеж, не соответствующий, по существу, конституционным принципам и не отражающий основных начал законодательства о налогах и сборах.

Такой характер правового регулирования не позволяет признать страховые платежи законно установленными и создать конституционно обоснованное законодательство о тарифообложении. Так, при установлении тарифооблагаемой базы для уплаты страховых взносов индивидуальными предпринимателями, занимающимися частной практикой нотариусами, главами крестьянских (фермерских) хозяйств и адвокатами не учитывается, что в законодательстве о подоходном налоге определение налогооблагаемой базы сочетается с дифференциацией ставок налога в зависимости от размера получаемого дохода.

Не используя социально оправданную дифференциацию страховых взносов для разных категорий самозанятых граждан, законодатель тем самым вводит чрезмерные ограничения права собственности, что противоречит ст. 35 (ч. 1 и ч. 2) и ст. 55 (ч. 2 и ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Из закрепленного в Конституции Российской Федерации принципа правового государства (ст. 1, ч. 1) вытекают конкретные требования, рекомендации и запреты в отношении определенных действий органов государства. В сфере тарифообложения указанный конституционный принцип диктует для законодателя запрет устанавливать регулирование таким образом, чтобы провоцировать законопослушных граждан на сокрытие получаемых доходов и занижение облагаемой базы.

Анализируя приведенное постановление КС РФ, в юридической литературе обоснованно указывается на то, что законодатель в процессе создания законодательства о рыночной экономике должен руководствоваться презумпцией добросовестности субъектов экономической деятельности. Так, Г. А. Гаджиев отмечает, что по сути дела выведенный из Конституции РФ и сформулированный Конституционным Судом императив означает, что законодатель в процессе создания законодательства о рыночной экономике должен руководствоваться презумпцией добросовестности субъектов экономической деятельности. Чтобы не подвергать экономическую свободу чрезмерным, недопустимым с точки зрения Конституции РФ ограничениям, государство в процессе правового регулирования экономических отношений должно действовать в рамках конституционной системы координат, образуемой принципом экономической свободы и экономическим конституционным публичным порядком. Это значит, в частности, что в процессе правового регулирования законодатель должен исходить из презумпции добросовестности предпринимателя, налогоплательщика, выводимой из смысла ст.ст. 49, 54 Конституции РФ. Государство не имеет права создавать юридическую, налоговую систему, руководствуясь предположениями о том, что субъекты экономических отношений – недобросовестные и законопослушные граждане [2].

Таким образом, презумпция добросовестности предпринимателя как принцип законотворческой деятельности государства является не только

результатом познания юридической науки, но и инструментом, которым должен руководствоваться законодательный орган РФ в силу прямого указания на это КС РФ.

В связи со сказанным, возникает вопрос, так ли происходит на самом деле в современных условиях правового регулирования предпринимательской деятельности? Анализ действующего регулирования показывает, что не всегда, а правильное сказать, что в большинстве случаев этот принцип игнорируется законодателем.

В качестве примера можно привести некоторые действующие нормативно-правовые акты.

Например, рассмотрим положения ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Российская газета, № 209-210. 02.11.2002.) (*далее* – Закон о банкротстве).

Согласно ранее действующему регулированию, сделка, заключенная или совершенная должником, с отдельным кредитором или иным лицом, после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом и(или) в течение 6 месяцев, предшествовавших подаче заявления о признании должника банкротом, может быть признана судом, арбитражным судом недействительной по заявлению внешнего управляющего или *кредитора*, если указанная сделка влечет за собой предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими кредиторами. Сделка, совершенная должником – юридическим лицом в течение 6 предшествовавших подаче заявления о признании должника банкротом месяцев и связанная с выплатой (выделом) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с его выходом из состава учредителей (участников) должника, по заявлению внешнего управляющего или кредитора, может быть признана недействительной судом, арбитражным судом в случае, если исполнение такой сделки нарушает права и законные интересы кредиторов (пп. 3 и 4 ст. 103 Закона о банкротстве).

Таким образом, ранее действующая редакция наделяла кредиторов правом на оспаривание сделок несостоятельного должника. Поскольку в указанное время институт несостоятельности (банкротства) граждан не применялся в РФ, то, безусловно, можно утверждать, что в качестве перечисленных кредиторов выступали в основном предприниматели.

Действующее регулирование основано на ином подходе. Согласно пп. 1 и 2 ст. 69.1 Закона о банкротстве, заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд внешним или конкурсным управляющим от имени должника по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов, при этом срок исковой давности исчисляется с момента, когда арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки, предусмотренных Законом о банкротстве. Голоса кредитора, в отношении которого или в отношении аффилированных лиц которого совершена сделка, не учитываются при определении кворума и принятии решения собранием (комитетом) кредиторов по вопросу о подаче заявления об оспаривании этой сделки. Если заявление об оспаривании сделки во исполнение решения собрания (комитета) кредиторов не будет подано

арбитражным управляющим в течение установленного данным решением срока, такое заявление может быть подано представителем собрания (комитета) кредиторов или иным лицом, уполномоченным решением собрания (комитета) кредиторов. Заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд конкурсным кредитором или уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10 % общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц.

Из содержания приведенных норм следует, что право кредиторов на оспаривание сделок должника существенно ограничено. В настоящий момент им обладают только кредиторы, размер кредиторской задолженности перед которыми, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10 % общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц.

Ограничение права кредиторов на оспаривание сделок должника в юридической литературе и судебной практике принято связывать с необходимостью борьбы со злоупотреблениями со стороны кредиторов. Так, например, Александра Улезко, анализируя указанные изменения, считает, что, с одной стороны, они направлены на защиту интересов кредиторов, с другой – не позволяют затягивать процедуру банкротства миноритарными кредиторами путем подачи многочисленных исков об оспаривании сделок и таким образом пытающихся добиться выкупа кредиторской задолженности лицами, заинтересованными в скорейшем завершении процедуры банкротства [4, с. 5]. И. Вышегородцев указывает, что в процессе банкротства могут участвовать десятки кредиторов, и у них будут различные интересы. В частности, миноритарные кредиторы в силу различных обстоятельств могут быть заинтересованы в затягивании процесса банкротства. Однако для пресечения этой возможности и ограничения злоупотреблений со стороны управляющего и руководства должника Закон о банкротстве содержит правило о том, что заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд также конкурсным кредитором или уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10 % общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов (п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве) [1, с. 9].

Согласно позиции ВС РФ, установленный законом 10%-й порог служит лишь ограничением для чрезмерного и несогласованного оспаривания сделок по заявлениям миноритарных кредиторов, что может нарушить баланс интересов участвующих в деле о банкротстве лиц, привести к затягиванию процедуры банкротства и увеличению текущих расходов (Определение ВС РФ от 10.05.2016 № 304-ЭС15-17156).

Очевидно, что среди обозначенных подходов наиболее правильным представляется первый, так как кредиторы, обладая материальным интересом в оспаривании сделок несостоятельного должника, способны

с большей эффективностью использовать механизм оспаривания в рамках дела о банкротстве. Также представляется спорным довод о том, что наделение всех кредиторов правом на оспаривание сделок должника приводит к осложнению дела, так как лишение кредиторов права на оспаривание сделок должника увеличивает количество заявлений кредиторов о признании бездействия арбитражного управляющего, вызванного несовершенством действий по оспариванию сделок должника, что также влечет осложнение дела о банкротстве [3, с. 25 – 29]. На такую возможность кредиторов указал ВС РФ, согласно правотворческой позиции которого кредитор должника, обладающий меньшим размером требований, чем это установлено п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве, не вправе самостоятельно оспорить сделки. Однако он не лишен возможности обратиться к арбитражному управляющему с соответствующим требованием, а также обжаловать действия (бездействия) последнего (ВС РФ в Определении от 04.12.2017 № 305-ЭС15-5231(4)). Кроме того, существующее регулирование, как представляется, не соответствует презумпции добросовестности предпринимателя, так как борьба с недобросовестными действиями миноритарных кредиторов осуществляется не путем выявления недобросовестных кредиторов и применения к ним мер воздействия, а путем запретов для всех кредиторов безотносительно того, являются они добросовестными или нет. Иными словами, государство, осознав эту проблему, вместо того, чтобы выработать меры по противодействию недобросовестным действиям со стороны таких кредиторов, которые составляли, безусловно, меньшинство, объявляет всех кредиторов, а, следовательно, предпринимателей, недобросовестными и с 28.04.2009 лишает всех кредиторов несостоятельного должника права на оспаривание его сделок.

В качестве другого примера можно привести Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (Российская газета. № 151-152. 09.08.2001).

В частности, нормы ст. 6 указанного федерального закона считают подозрительными, а, следовательно, подлежащими обязательному контролю:

- операции по внесению физическим лицом в уставный (складочный) капитал организации денежных средств в наличной форме в размере, равном или превышающем 600 000 рублей, то есть в данном случае факт создания юридического лица, уставный (складочный) капитал которого формируется за счет наличных средств, автоматически придает такому лицу статус подозрительного;

- зачисление денежных средств на счет (вклад) или списание денежных средств со счета (вклада) юридического лица, период деятельности которого не превышает 3 месяцев со дня его регистрации. Это значит, что все созданные на территории РФ юридические лица в течение 3 месяцев имеют статус подозрительных;

- получение или предоставление имущества по договору финансовой аренды (лизинга);

- сделка с недвижимым имуществом, результатом совершения которой является переход права собственности на такое недвижимое имущество

во, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 3 млн рублей.

Таким образом, даже незначительная часть приведенных положений этого федерального закона показывает, что с позиции законодателя подавляющее большинство предпринимателей в РФ являются подозрительными и требуют постоянного контроля со стороны государства.

Думается, что такой законодательный подход нельзя признать эффективным. В конечном счете, такой подход приводит к тому, что недобросовестные лица находят другие формы злоупотребления (способы обхода существующих запретов), а добросовестные лица вынуждены иметь дело с необоснованными законодательными лишениями, которые, безусловно, не могут сказываться негативно на развитие предпринимательства в РФ.

В качестве другого примера можно привести правовые нормы, которые в России вступили в силу 1 января 2021 года и содержатся в ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Российская газета. № 173. 06.08.2020) (далее – Закон о цифровых активах).

Положения указанного закона для обозначения криптовалюты используют понятие «цифровая валюта», под которой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам (ч. 3 ст. 1 Закона о цифровых активах).

Приведенное определение показывает, что содержание понятия «цифровая валюта» законодателем раскрывается через его основные функции – средство платежа и объект инвестирования.

Несмотря на то что законодатель признает за цифровой валютой платежную и инвестиционную функцию, он запрещает применение цифровой валюты в качестве средства платежа на территории РФ (ч. 5 ст. 14 Закона о цифровых активах) и допускает ее использование в качестве объекта инвестирования. Безусловно, такой подход нельзя признать правильным, так как, во-первых, он не соответствует экономическому содержанию криптовалюты, во-вторых, создает конкурентное преимущество для некоторых иностранных предпринимателей, на которых такой запрет не распространяется их национальными законодательствами.

Другим важным и неурегулированным вопросом обращения криптовалюты является вопрос о правовом статусе операторов информационной системы, обеспечивающих их обращение (криптовалюта и криптокошельки). Единственное, на что указывает законодатель, это на обязанность ис-

пользовать инфраструктуру на территории РФ или доменной зоны РФ в сети Интернет. Думается, что с учетом глобальности рынка криптовалюты такое требование представляется не соответствующим характеру регулируемых отношений и делает российскую правовую юрисдикцию не привлекательной для развития деятельности, обеспечивающей обращение криптовалюты.

Другим важным аспектом правового статуса криптобиржи и криптокошелька является вопрос о необходимости идентификации клиентов и возможности восстановления доступа к их средствам без их согласия. Большинство стран в качестве обязательного доступа к криптовалюте ставит необходимость идентификации владельца с возможностью доступа к его ресурсам помимо его воли. Однако есть страны, которые допускают анонимность проведения операций (без идентификации пользователя) и без возможности доступа к его средствам без его ведома. Последний подход представляется более правильным и должен найти свое отражение в действующем законодательстве. Между тем очевидно, что эффективнее использование смешенного подхода, который предполагает установление обязательной идентификации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также необязательную идентификацию для физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность и не находящихся на государственной или муниципальной службе.

На сегодняшний момент главным фактором, сдерживающим большинство государств, признать криптовалюту в качестве платежного средства является боязнь развития теневой сферы экономики и преступности. Думается, что эти страхи являются необоснованными, так как преступность и теневая экономика функционируют за пределами правового регулирования. Криптовалюта, прежде всего, дает новые возможности добросовестным лицам, которые нуждаются в установлении правовых правил их использования в целях удовлетворения своих законных интересов. По указанной причине очевидно, что правовое регулирование использования криптовалюты должно базироваться на принципе добросовестности обладателей цифровой валюты.

Резюмируя указанное выше, отметим, что важным фактором развития общественных отношений, включая экономические, является их правовое регулирование. Безусловно, оно должно основываться на принципе презумпции добросовестности предпринимателя, который обязывает государство видеть в предпринимателе партнера на пути к экономическому развитию, а не подозрительного лица, чья деятельность нуждается в постоянном обязательном контроле.

Список литературы

1. **Вышегородцев И.** Арбитражный управляющий – друг или враг? // ЭЖ-Юрист. 2017. № 22 (973). URL: <https://www.eg-online.ru/article/346728> (дата обращения: 22.11.2021).
2. **Гаджиев Г. А.** Конституционные принципы рыночной экономики: Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М.: Юристъ, 2004. 284 с.
3. **Кораев К. Б.** Сущность и значение института оспаривания сделок и иных действий должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), его отличия от оспаривания сделок по общим основаниям // Юрист. 2018. № 2. С. 25 – 29.

4. Улезко А. Стало ли кредиторам легче отстоять свои права? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=5585> (дата обращения: 22.11.2021).

References

1. Vyshegorodtsev I. [Arbitration manager - friend or foe?], *EZh-Yurist* [Economics and Life-Lawyer], 2017, no. 22(973), available at: <https://www.eg-online.ru/article/346728> (accessed 22 November 2021). (In Russ.).
2. Gadzhiyev G.A. *Konstitutsionnyye printsipy rynochnoy ekonomiki: Razvitiye osnov grazhdanskogo prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional principles of a market economy: Development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation], Moscow: Yurist", 2004, 284 p. (In Russ.).
3. Korayev K.B. [The essence and significance of the institution of challenging transactions and other actions of the debtor in the framework of his insolvency (bankruptcy) case, its differences from challenging transactions on general grounds], *Yurist* [Lawyer], 2018, no. 2, pp. 25-29. (In Russ.).
4. Ulezko A. [Has it become easier for creditors to defend their rights?], *EZh-Yurist* [Economics and Life-Lawyer], 2016, no. 19, available at: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=5585> (accessed 22 November 2021). (In Russ.).

Presumptions of Good Faith of an Entrepreneur as a Fundamental Constitutional Principle of the State's Legislative Activity

K. B. Koraev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor,
Department of Civil Law,
St. Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia;
1-kosta@mail.ru

The article reveals the content of the presumption of the good faith of an entrepreneur as a fundamental constitutional principle of the legislative activity of the state. As a result of the study, the author comes to the conclusion that in most cases this principle is ignored by the legislator. For this reason, it is concluded that the legal regulation of entrepreneurial relations should be based on the presumption of the good faith of the entrepreneur, which obliges the state to see the entrepreneur as a partner on the way to economic development, and not as a suspicious person whose activities need constant mandatory control.

Keywords: entrepreneur; economic development; presumption of good faith of the entrepreneur.

© К. Б. Кораев, 2021

Статья поступила в редакцию 05.09.2021

При цитировании использовать:

Кораев К. Б. Презумпции добросовестности предпринимателя как основополагающий конституционный принцип законотворческой деятельности государства // *Право: история и современность*. 2021. № 4(17). С. 128 – 135. doi: 10.17277/pravo.2021.04.pp.128-135